

Глаголы СОВ и НЕСОВ в контексте многократности: к выявлению семантики видовых граммем в русском языке

© 2025

Елена Владимировна Урысон

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия;

uryson@gmail.com

Аннотация: Объект работы — глаголы совершенного и несовершенного вида в контексте указания на неоднократность ситуации. Известно, что в контексте неопределенной кратности глагол СОВ недопустим, ср.: *На экзамене она много раз ошибалась* <**ошиблась*>, в то время как контекст определенной кратности не накладывает на вид глагола столь жестких ограничений, ср.: *На экзамене она два раза ошиблась* <*ошибалась*>. В работе сделана попытка дать этому факту семантическую интерпретацию. Продемонстрировано, что в контексте определенной кратности допустимы далеко не все глаголы СОВ, ср.: **Подростком он два раза убежал из дома* [нужно: *убежал из дома*]. Выявлены особенности семантики глагола СОВ и те особенности его общего контекста, благодаря которым глагол СОВ может сочетаться с показателями определенной кратности и закономерно не сочетается с контекстом неопределенной кратности. В частности, описаны некоторые черты семантики мультипликативов. Рассмотренный материал дает основания считать, что граммема СОВ выражает указание на временную последовательность ситуаций; описано взаимодействие контекста определенной и неопределенной кратности с семантикой грамлемы СОВ. Глагол НЕСОВ в том же контексте, напротив, обозначает множество ситуаций, не упорядоченных во времени, — мы понимаем, что ситуации следуют одна за другой, поскольку знаем действительность.

Ключевые слова: вид, видовая пара, конкуренция видов, мультипликатив, нарратив, предикатная множественность, русский язык

Для цитирования: Урысон Е. В. Глаголы СОВ и НЕСОВ в контексте многократности: к выявлению семантики видовых граммем в русском языке. *Вопросы языкознания*, 2025, 1: 78–94.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.1.78-94

Perfective and imperfective verbs in contexts of multiplicity: Towards explicating the semantics of Russian aspectual values

Elena V. Uryson

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

uryson@gmail.com

Abstract: The paper describes the use of Russian perfective and imperfective verbs in contexts of multiplicity. It is known that perfective verbs cannot be used in contexts of indefinite multiplicity, cf. *Na èkzamene ona mnogo raz ošibalas'* <**ošiblas'*> 'During the exam she made a mistake many times', whereas definite multiplicity does not put restrictions on the choice of aspect, cf. *Na èkzamene ona dva raza ošibalas'* <*ošibalas'*> 'During the exam she made a mistake twice'. I attempt to give this fact a semantic interpretation. I demonstrate that the contexts of definite multiplicity in fact disallow a lot of perfective verbs, cf. **Podrostkom on dva raza ubežal iz doma* [correct: *ubežal* (IMPF) *iz doma*] 'As a teenager he ran from home twice'. I determine what exactly in the semantics of the perfective verb or the broader context makes it possible to combine the perfective verb with markers of definite multiplicity

and, as a consequence, makes it incompatible with contexts of indefinite multiplicity. In particular, I describe some features of the semantics of multiplicative verbs. The presented data allow for a conclusion that the perfective aspect indicates a temporal sequence of events (in contrast with imperfective verbs, which in the same context denote a set of unordered in time situations). In addition, I discuss the interaction between contexts of indefinite and definite multiplicity and the semantics of the perfective.

Keywords: aspect, aspectual competition, aspectual pair, multiplicative, narrative, Russian, verbal plurality
For citation: Uryson E. V. Perfective and imperfective verbs in contexts of multiplicity: Towards explicating the semantics of Russian aspectual values. *Voprosy Jazykoznanija*, 2025, 1: 78–94.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.1.78-94

1. Введение

Объект предлагаемой работы — глаголы совершенного (далее СОВ) и несовершенного (далее НЕСОВ) вида в контексте многократности, т. е. в контексте, указывающем на повторение некоторой ситуации, ср. *На экзамене она два раза <много раз> ошибалась*. Контексты многократности принято делить на две группы: контексты определенной кратности (ср. *два раза, три раза, семнадцать раз* и т. п.) и контексты неопределенной кратности, ср. *много раз, неоднократно, каждый раз* (*Выходя из дома, он каждый раз проверял, выключен ли газ*) и т. п.

В контексте неопределенной кратности глагол СОВ невозможен [Маслов 1948/2004: 72]; ср. **Она каждый раз неудачно соскочила с брусьев; *Перед тем как приняться за сценарий, он неоднократно перечитал роман; *Во время интервью она много раз улыбнулась*. Что касается глаголов определенной кратности, то в них глагол СОВ вполне употребляется, ср.:

- (1) а. *На той тренировке она два раза неудачно соскочила с брусьев.*
- (2) а. *На лекции он три раза перечитал ее записку.*

Сложность состоит в том, что в контексте определенной кратности, в отличие от контекста неопределенной кратности, событие может обозначаться и глаголом СОВ, и парным ему глаголом НЕСОВ (впервые на этот факт, по-видимому, обратила внимание О. П. Рассудова [1968]), ср.:

- (1) б. *На той тренировке она два раза неудачно соскакивала с брусьев.*
- (2) б. *На лекции он три раза перечитывал ее записку.*

Однако в некоторых случаях употребление глагола СОВ в контексте определенной кратности нежелательно или даже исключено — вместо глагола СОВ в таком контексте употребляется парный ему (или близкий по смыслу) глагол НЕСОВ или, при отсутствии такового, — словосочетание с глаголом НЕСОВ, ср.:

- (3) а. **В прошлом месяце он два раза лег в эту больницу.*
 б. *В прошлом месяце он два раза ложился в эту больницу.*
- (4) а. **Подростком <на прошлой неделе> он трижды убежал из дома.*
 б. *Подростком <на прошлой неделе> он трижды убегал из дома.*
- (5) а. **Он два раза сломал левую руку.*
 б. *Он два раза ломал левую руку.*

Задача состоит в том, чтобы объяснить причину нормальности примеров (б) и аномальности примеров (а) в парах (3)–(5) и уловить семантическое различие между нормальными примерами внутри пар (1)–(2).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

1. В ходе анализа мы будем рассматривать глагол в его одном конкретном значении.

2. Видовая парность глаголов определяется по критерию Маслова: «Чтобы сформулировать <...> объективный критерий <видовой парности двух глаголов>, надо найти в языке положение, при котором противоположность видов “автоматически” снималась бы в пользу одного из них, т. е. один из видов в обязательном порядке заменялся бы другим. Такое положение в современном русском языке есть. Это так называемое историческое настоящее (*praesens historicum*). При переводе повествования из плоскости прошедшего времени в плоскость исторического настоящего все глаголы как СВ, так и НСВ, оказываются уравненными в формах настоящего исторического НСВ. Ясно, что лексическая семантика глагола принципиально не должна подвергаться при этом ни малейшему изменению. Значит, обратимость данного глагола СВ в тот или иной глагол НСВ при переводе повествования в плоскость исторического настоящего может служить надежным признаком парности этих двух глаголов» [Маслов 1948/2004: 76–77]. Глаголы *соскочить*, *перечитать* из примеров (1а)–(2а) при переводе повествования из плана прошедшего времени в план настоящего исторического «автоматически» заменяются на *соскакивать*, *перечитывать* соответственно, причем смысл высказывания от этого не меняется. Ср.: *Она неудачно соскочила с брусьев и травмировала ногу* — *Она неудачно соскакивает с брусьев и травмирует ногу*; *Он три раза перечитал записку и глубоко задумался* — *Он три раза перечитывает записку и глубоко задумывается*. Следовательно, по критерию Маслова, глаголы *соскочить* — *соскакивать*, *перечитать* — *перечитывать* из примеров (1)–(2) образуют видовые пары. Аналогичным образом образуют видовые пары и *лечь* (в *больницу*) — *ложиться* (в *больницу*), *убежать* — *убегать*, *сломать* — *ломать*. Ср.: *Накануне переаттестации он лег в больницу* — *Накануне переаттестации он ложится в больницу*; *Он убежал в лес и долго плакал под елкой* — *Он убегает в лес и долго плачет под елкой*; *Он сломал правую руку и бросил живопись* — *Он ломает правую руку и бросает живопись*¹.

2. Предварительный анализ материала: строгие и нестрогие мультипликативы

В примерах (1) и (2) глаголы СОВ и НЕСОВ взаимозаменяемы без ощутимого изменения смысла высказывания. Существуют, однако, такие глаголы, которые допускают в контексте определенной кратности и СОВ, и НЕСОВ, однако замена СОВ на НЕСОВ (или обратно) сильно меняет смысл высказывания. Ясно, что начать анализ легче с подобных глаголов.

Как будет продемонстрировано ниже, такими глаголами являются т. н. многоактные глаголы, или мультипликативы [Маслов 1978/2004], ср. *махать*, *целовать*, *гладить* (*собаку*), *хлопать* (в *ладоши*), *моргать*, *икать*, *булькать*, *чесаться* (ср. *Собака чешется*) и т. п.² Многоактные глаголы обозначают процессы, которые состоят «из неопределенного

¹ Критерий Маслова является операционным. Однако он имеет семантическую подоплеку — она создается особенностями семантики видовой пары, которые и обеспечивают «автоматическую замену» одного вида на другой в определенном контексте [Урысон 2019]. В некоторых случаях применение критерия Маслова вызывает споры; соответствующие проблемы, а также возможные аргументы против критерия Маслова обсуждаются в книге [Зализняк Анна и др. 2015], где подробно обоснована справедливость критерия Маслова как инструмента для определения видовых пар.

² В некоторых работах термин «мультипликатив» употребляется иначе. Так, в [Мельчук 1998] к мультипликативам отнесены русские глаголы с суффиксом *-ыва/-ива* типа *хаживать*, *сиживать*, *едать*, которые обычно называют итеративами.

множества однородных актов, повторяющихся с относительно высокой периодичностью» [Князев 2007: 439]; такие акты называют также квантами. Так, *махать флажком* — это (упрощенно) ‘неоднократно без пауз поднимать и опускать руку с флажком’ (ср. *Регулировщица машет флажком*); *гладить собаку* — это (упрощенно) ‘неоднократно без пауз проводить ладонью по туловищу собаки’.

Однако приведенное определение нуждается в уточнении.

Дело в том, что высказывание *Регулировщица машет флажком* или *Девочка робко гладит собаку* допускает два понимания. При одном понимании описываемый процесс действительно состоит из ряда «актов», или «квантов» (регулировщица несколько раз поднимает и опускает флажок, девочка несколько раз проводит рукой по туловищу собаки). При другом понимании описываемый процесс состоит всего из одного акта (кванта): регулировщица один раз взмахнула флажком, девочка один раз провела ладонью по туловищу собаки³. Этот факт отмечался в литературе [Бондарко, Буланин 1967; Яковлев 1975; Гловинская 1982; Бирюлин 2001]. Мы интерпретируем его так: в значении подобных мультипликативов есть компонент ‘один раз или более одного раза’. Он и создает двоякое понимание приведенных высказываний.

В некоторых контекстах эта неоднозначность снимается, ср.:

(6) *Он долго махал флажком* [зачеркивается первый компонент дизъюнкции].

При нашем подходе такие мультипликативы входят в достаточно большой класс предикатов с дизъюнктивной организацией значения [Апресян 1974; Урысон 1998].

Однако так устроены не все многоактные глаголы. Например, глаголы *трясти* (в разных значениях, ср. *трясти пробирку*, *Автобус трясет*), *дрожать* (ср. *Руки дрожат*), *колебаться* (ср. *Пламя колеблется*), *колыхаться*, *вибрировать*, *мерцать*, *кудахтать*, *поскрипывать* и т. п. обозначают процессы, которые всегда состоят из множества однородных актов, повторяющихся с высокой периодичностью. Высказывания с ними не допускают иного понимания.

Тем самым, класс многоактных глаголов распадается на две группы. К одной группе относятся глаголы типа *трясти*, *вибрировать*, *мерцать*, указывающие на то, что процесс обязательно состоит из нескольких актов, т. е. более чем из одного акта. Назовем такие глаголы строго многоактными, или строгими мультипликативами. К другой группе относятся глаголы типа *махать*, *гладить (собаку)*, в процессном значении допускающие двоякое понимание, т. е. указывающие на то, что процесс в его протекании может состоять и из нескольких актов, и из одного акта. Назовем глаголы этого типа нестрого многоактными, или нестрогими мультипликативами. Аналогичным образом будем называть и сами процессы. Процессы, обозначаемые многоактными глаголами (без уточнения), будем называть многоактными. Процессы, обозначаемые строго многоактными и нестрого многоактными глаголами, будем называть строго многоактными и нестрого многоактными соответственно. Если нестрогий многоактный процесс состоит (в конкретном случае) всего из одного акта, будем называть такой процесс одноактным.

Как видно из определения, нестрогие мультипликативы сближаются с обозначениями некоторых обычных процессов: обычный процесс может повторяться или не повторяться на протяжении достаточно короткого отрезка времени, и требуется уметь отличать одноактный процесс от обычного краткого процесса (равно как и простое повторение процесса от последовательности актов в многоактном процессе).

Возьмем, например, глаголы *махать* — *махнуть (флажком)* и *сжимать* — *сжать (руки)*. Оба глагола СОВ допустимы в контексте многократности, ср. *Сигнальщик два раза*

³ Такая неоднозначность мультипликатива типологически релевантна [Храковский 1989]. В некоторых языках она снимается формой глагола. Например, по [Там же: 26], англ. *kick* в одних формах обозначает многоактное действие, в других — одноактное; франц. *cligner* в форме *imparfait* обозначает множественность актов, ср. *Il clignait* ‘он мигал’, а в форме *passé composé* — один акт, ср. *Il a cligné* ‘он мигнул’.

махнул флажком — Он два раза крепко сжал ей руки. Тем не менее интуитивно ясно, что *махать* — это многоактный глагол, а *сжимать* нет. Обратим внимание на то, что НЕСОВ *махать* вне контекстной поддержки может обозначать и многоактный, и одноактный процесс, ср. *Сигнальщик машет флажком* (если речь идет об одноактном процессе, то данное высказывание синонимично высказыванию *Сигнальщик взмахивает флажком*). Что касается глагола *сжимать*, то он вне контекстной поддержки может обозначать только обычный, неповторяющийся процесс, ср. *Он сжимает ей руки*.

Еще один пример: *улыбаться — улыбнуться и подтягиваться (на турнике) — подтянуться (на турнике)*. Оба глагола СОВ допускают указание на определенную кратность, ср. *Она три раза ему улыбнулась — Она три раза подтянулась на турнике*. Но НЕСОВ *подтягиваться* вне контекста многократности может естественно пониматься как обозначение многоактного процесса, хотя допускает и одноактное понимание; ср. *Подходит к турнику и начинает подтягиваться* (речь идет об одинаковых движениях, которые следуют одно за другим, или же об одном таком движении). Глагол НЕСОВ *улыбаться*, напротив, вне контекстной поддержки понимается как обозначение обычного, неповторяющегося процесса, ср. *Подходит к зеркалу и начинает улыбаться* (губы растягиваются один раз). Тем самым, *улыбаться* не является мультипликативом, а *подтягиваться* — это нестрогий мультипликатив.

Естественно считать, что глагол является нестрогим многоактным, если он может пониматься как обозначение многоактного процесса вне какого-либо поддерживающего контекста, ср. [Татевосов 2016: 86]. В противном случае глагол не относится к многоактным.

Заметим, что по критерию Маслова нестрогий мультипликатив НЕСОВ (ср. *махать, подтягиваться*) образует видовую пару с глаголом СОВ — *семельфактивом*, ср. *махнуть, подтянуться*. Но при этом лексическое значение членов пары СОВ и НЕСОВ не вполне тождественно: НЕСОВ указывает на один или более одного акта процесса, в то время как его видовой коррелят СОВ — только на один акт того же процесса.

Возможно, существуют какие-то формализуемые критерии, которые позволяют разделить строгие и нестрогие мультипликативы на основе их сочетаемости, однако нам они неизвестны, как неизвестны и работы, посвященные данной проблеме. Кроме того, нестрогие мультипликативы могут распадаться на классы в зависимости от большей или меньшей предпочтительности многоактного понимания (в типологическом плане эта проблема рассматривается в работе [Храковский 1989: 26–27]). Однако сколько-нибудь полное описание многоактных глаголов с этой точки зрения выходит за рамки поставленной темы.

Отметим, что некоторые строгие мультипликативы объединяются в синонимичные пары с нестрогими. Различие между такими синонимами состоит в том, что строгий мультипликатив обязательно обозначает многоактный процесс, а нестрогий может обозначать как многоактный, так и одноактный процесс. Примеры: *трясти — встряхивать*: *Провизор трясет пробирку* (движение делается несколько раз), но *Провизор встряхивает пробирку* (движение делается несколько раз или один раз); *мерцать — мигать*: *Звезда мерцает* (множество однородных актов) — *Лампа мигает* (один акт или более одного акта). Таким образом, различие между обязательной и необязательной повторяемостью актов может быть различительным признаком синонимов.

Для дальнейшего требуется терминологическое замечание. Многоактный глагол по определению обозначает процесс, следовательно, мультипликативом может быть только глагол НЕСОВ — поскольку глагол СОВ не обозначает процесса. Однако от многоактного процессного глагола образуются глаголы СОВ; ср. *забарабанить пальцами по столу, замахать руками; почесать спину, покукарекать, похихикать; Она погладила собаку и ушла на работу* (скорее всего, несколько раз провела рукой по туловищу собаки); *Он закашлял и потом расчихался* (имело место как минимум несколько квантов кашля и как минимум несколько квантов чиханья). Ясно, что в семантику такого глагола СОВ входит указание на многоактный процесс (это отмечено, в частности, в работе [Храковский 1987: 130]). В дальнейшем для удобства изложения будем называть мультипликативом (многоактным

глаголом) не только глагол НЕСОВ, обозначающий многоактный процесс, но и глагол СОВ, в значение которого входит указание на такой процесс.

Особый интерес для нас представляют нестрогие мультипликативы.

ЗАМЕЧАНИЕ. Общепринятое определение мультипликатива, из которого исходит и предлагаемая работа, не является формальным: оно опирается исключительно на значение глагола. В некоторых исследованиях делается попытка преодолеть этот недостаток и хотя бы отчасти формализовать определение многоактного глагола — мультипликатив определяется исходя из его парадигматических связей внутри лексической системы языка. Дело в том, что для обозначения кванта многоактного процесса в языке может существовать специальный глагол (семельфактив); ср. *моргать* (множество однородных актов, мультипликатив) — *моргнуть* (один такой акт, семельфактив), *икать* — *икнуть*, *булькать* — *булькнуть*, *хлопать* (в ладоши) — *хлопнуть в ладоши* и т. п. Исходя из этого мультипликатив определяется как глагол, имеющий соотносительный с ним семельфактив; именно этот подход принят в наиболее полном на сегодняшний день описании русских многоактных глаголов [Бирюлин 2024]. При таком подходе, однако, вне описания остаются многие мультипликативы, ср. *мерцать*, *барабанить* (пальцами по столу), *тереть* (морковку на терке), *вертеть* (головой) — обширный список таких глаголов приведен [Там же: 11]. (Морфологии и семантике семельфактива в сопоставлении с соответствующим ему мультипликативом посвящена достаточно большая литература, в частности [Dickey, Janda 2009; Makarova, Janda 2009; Горбова 2016]. Данная проблематика, включая ее морфологический аспект, выходит за рамки предлагаемой работы.) Отметим также, что в настоящее время мы не располагаем сколько-нибудь полным списком строгих и нестрогих русских мультипликативов: задача предлагаемого исследования гораздо скромнее — описать употребление глаголов СОВ и НЕСОВ в определенном контексте. В словаре [Бирюлин 2024] описаны семантические группы многоактных глаголов, и это может существенно облегчить задачу выявления классов строгих и нестрогих мультипликативов.

3. Глаголы в контексте определенной кратности

3.1. Многоактные глаголы в контексте определенной кратности

Итак, в значение нестрога многоактного глагола входит компонент ‘один раз или более одного раза’. Он и создает двоякое понимание высказывания с таким глаголом. Однако в некоторых контекстах неопределенность ‘один раз или более одного раза’ снимается. Сравним примеры:

(7) а. *Он три раза поцеловал ей руку.*

б. *Он три раза целовал ей руку.*

По критерию Маслова, *целовать* и *поцеловать* — это видовая пара. Действительно, при переводе повествования из плана прошедшего времени в план настоящего исторического глагол *поцеловать* обязательно заменяется на *целовать*, причем смысл высказывания от этого не меняется. Ср. *Он поцеловал королеве руку и навсегда покинул дворец* — *Он целует королеве руку и навсегда покидает дворец*. Контекст определенной кратности в данном случае не меняет дела — высказывания *Он три раза поцеловал ей руку и навсегда покинул дворец* и *Он три раза целует ей руку и навсегда покидает дворец* описывают одну и ту же ситуацию.

Следовательно, с формальной точки зрения пара (7а)–(7б) устроена так же, как (1а)–(1б), ср. *На той тренировке она два раза неудачно соскочила с брусьев* — *На той тренировке*

она два раза неудачно соскакивала с брусьев. Однако высказывания (7а) и (7б), в отличие от (1а)–(1б), очевидным образом различаются по смыслу. *Три раза поцеловал* указывает на то, что ситуация состояла из трех «квантов» — трех контактов губ субъекта с рукой контрагента⁴; между тем *три раза целовал* указывает на то, что ситуация имела место три раза на протяжении некоторого отрезка времени (возможно, всей жизни субъекта), причем не сообщается, из скольких квантов она состояла.

Аналогичным образом различаются высказывания внутри следующих пар:

- (8) а. *Она три раза погладила льва* [три раза провела рукой по туловищу, три акта].
 б. *Она три раза гладила льва* [три раза имела место ситуация; не сказано, из скольких актов она состояла — возможно, каждый раз было по-своему].

Заметим, что эти два примера различаются возможным референциальным статусом слова *лев*.

- (9) а. *Колдунья семь раз уколола принца отравленной иглой* [семь уколов (актов)].
 б. *Колдунья семь раз колола принца отравленной иглой* [вся ситуация имела место семь раз; неизвестно, из скольких уколов (актов) она состояла — возможно, каждый раз было по-своему].
- (10) а. *Сигнальщик два раза махнул флажком*.
 б. *Сигнальщик два раза махал флажком*.

Обратим внимание на то, что *погладить* в контексте определенной кратности является как бы семельфактивом к *гладить*, т. к. обозначает один квант такого действия. Между тем вне такого контекста СОВ *погладить* может обозначать и более одного кванта действия ‘гладить’, ср. *Она поцеловала дочь, погладила собаку и ушла на работу*.

Предлагаем следующую интерпретацию различия между примерами внутри пар. Указание на определенную кратность при многоактном глаголе может иметь разные сферы действия. В одних случаях эту сферу действия составляет указание на всю ситуацию целиком, без выделения в ней актов: *трижды целовал королеве руку; несколько раз колола иглой; два раза махал флажком; Свет мигал три раза*. В других случаях сферу действия указания на кратность составляют акты (кванты) в составе многоактного процесса: *трижды поцеловал королеву руку; несколько раз уколола иглой; два раза махнула флажком; Лампа три раза мигнула*. Правило выбора сферы действия таково:

Если мультипликатив — НЕСОВ, то сферу действия указания на многократность составляет вся ситуация целиком (*дважды гладила льва*).

Если мультипликатив — СОВ, то сферу действия указания на многократность составляют акты в составе ситуации (*дважды погладила льва*)⁵.

Тем самым, для нестроого мультипликатива СОВ неопределенность ‘один квант или несколько квантов’ снимается контекстом определенной кратности. Парный ему нестрогий мультипликатив НЕСОВ сохраняет эту неопределенность и в этом контексте, ср. (8б), (9б), (10б).

⁴ Заметим, что в русском языке есть существительные, обозначающие один квант, или акт процесса ‘целовать’: *чмок* и *поцелуй*. Правда, слово *поцелуй* соотносится и с глаголом *целоваться*; во всяком случае контакт губ с рукой не называется *поцелуем*. Существительное *чмок* соотносится с *чмокать* и указывает на очень краткий контакт губ обычно со щекой контрагента. О существительных — обозначениях одного акта многоактного процесса см. [Князев 2007: 442].

⁵ По-видимому, при некоторых мультипликативах СОВ возможны два указания на определенную кратность, каждое со своей сферой действия. Ср. следующий, как кажется, допустимый пример: *Она четыре раза дважды кликнула мышью*, где *дважды* указывает на количество актов (кликов), а *четыре раза* — на число повторений всей ситуации (двойного кликанья). В нейтральном случае указание на количество актов располагается ближе к глаголу.

Закономерным образом, строгие мультипликативы НЕСОВ, ср. *трясти, колыхаться, дрожать, мерцать*, однозначно определяют сферу действия указания на кратность: ее может составлять только указание на данную ситуацию целиком, ср. *Лаборант два раза тряс пробирку, Самолет несколько раз сильно трясло*.

Случай типа *три раза поцеловать, два раза постучать в дверь, четыре раза махнуть флажком, несколько раз уколоть котенка булавкой*, когда глагол СОВ выступает в контексте определенной кратности, неоднократно описывался в литературе [Храковский 1987; Падучева 1996; 2016; Зализняк Анна и др. 2015], однако под другим углом зрения. Проблема, поставленная в этих работах, состоит в следующем.

Глагол СОВ в контексте определенной кратности как будто выступает в своем основном, т. н. конкретно-фактическом значении, а оно по определению обозначает единичное конкретное событие. Следовательно, указание на единичное событие взаимодействует с указанием на определенную кратность того же события. Это напоминает поведение существительного в форме единственного числа (ЕД) в контексте количественной конструкции, ср. *три стола*: здесь смысл 'один объект', выражаемый граммемой ЕД существительного, взаимодействует с лексическим значением числительного 'три', так что все сочетание выражает смысл 'три стола'. Однако в русской аспектологии сочетания типа *три раза поцеловать* принято описывать особым образом. Здесь выделяются два подхода.

При первом подходе в список значений граммемы СОВ, т. е. в реестр частных видовых значений СОВ, включают особое значение — суммарное значение совершенного вида [Мазон 1962; Бондарко 1971; Зализняк Анна и др. 2015]. Возражение против такого описания заключается в том, что на «суммарность» указывает не глагол СОВ, а его контекст, ср. *дважды, три раза, пять раз* и т. п. [Гловинская 2001].

При другом подходе специфику глагола СОВ в контексте определенной кратности интерпретируют в терминах базовых аспектологических понятий, и тогда можно не увеличивать список частно-видовых значений. При таком подходе разные авторы в целом дают единый ответ на поставленный вопрос. Наиболее кратко он сформулирован в работе [Падучева 2016: 35]: «В контексте определенной кратности (*три раза поцеловал*) глагол СВ обозначает единое событие». Более развернутая формулировка: «Возможность такого употребления (глагола СОВ в контексте определенной кратности. — Е. У.) не противоречит тезису о том, что сов. вид обозначает единичное событие: просто в данном случае событие оказывается “многоактным”» [Зализняк Анна и др. 2015: 25]. Наиболее подробный ответ на данный вопрос дает В. С. Храковский: «При выражении счета (ситуаций. — Е. У.) глагол СВ выступает в своем основном конкретно-фактическом значении, поскольку обстоятельство кратности в сочетании с глаголом СВ обозначает не просто сумму ситуаций, а единый результат (...). Этот результат и составляет тот “конкретный единичный факт”, который выражается глаголом СВ в конкретно-фактическом значении [Бондарко 1971: 22]. То, что в данном случае единичный факт представляет собой результат суммирования ситуаций, выражается не глаголом СВ, а обстоятельством кратности» [Храковский 1987: 132].

По существу, формулировки «единое событие», «многоактное событие», «единый результат (а не сумма ситуаций)», выражают одну и ту же мысль. Тем не менее мы не считаем поставленную проблему решенной. Причина в том, что эти формулировки не раскрывают семантики данной конструкции — это лишь условные ярлыки, значение которых требуется выявить. Для того чтобы лучше уяснить суть дела, перейдем к анализу нового материала.

3.2. Не-многоактные глаголы в контексте определенной кратности

Прежде всего рассмотрим случаи, когда глагол СОВ не является мультипликативом, но в определенном контексте указывает на многоактный процесс, ср.:

- (11) а. *В знак того, что явка провалена, она три раза распахнула <открыла> окно.*

Глаголы СОВ *распахнуть* и *открыть* сами по себе указывают на обычное, не-многоактное физическое действие, но в данном случае это действие является условным знаком, причем знак состоит из трех одинаковых действий (с одним и тем же объектом), повторяющихся друг за другом без пауз, подобно актам в многоактном процессе. Благодаря этому оба глагола сближаются с мультипликативами. Каждый глагол имеет свой видовой коррелят НЕСОВ — *распахивать* и *открывать* соответственно: при трансформации высказывания в настоящее историческое глаголы СОВ *распахнуть* и *открыть* заменяются на НЕСОВ *распахивать* и *открывать*, причем смысл высказывания не меняется, ср.:

- (11) б. *В знак того, что явка провалена, она три раза распахивает <открывает> окно.*

Глаголы НЕСОВ *распахивать* и *открывать* не относятся к мультипликативам: высказывания типа *Она распахивает <открывает> окно* не могут пониматься как обозначение многоактного процесса. Но, обозначая условные знаки, СОВ *распахнуть* и *открыть* в контексте многократности ведут себя как мультипликативы: сферу действия указания на многократность составляют «акты» в составе ситуации. Что касается НЕСОВ *распахивать* и *открывать* (как обозначений условных знаков), то в их случае сферу действия указания на многократность составляет вся ситуация целиком, ср. *На той неделе она три раза распахивала <открывала> окно.*

В качестве общепринятого конвенционального знака нередко используется какое-либо несложное физическое действие, ср. *перекреститься, плюнуть через левое плечо*, а также *щелкнуть по лбу (проигравшего), позвонить в дверь (коммунальной квартиры)* и т. п., причем по разного рода неязыковым (культурным) причинам такой знак традиционно может состоять как из одного действия, так и из нескольких действий подряд: крестятся (плюют через левое плечо) один раз или три раза, щелкают проигравшего по лбу обычно один или несколько раз (в зависимости от принятых правил), звонят в дверь в коммунальную квартиру от одного до семи-десяти раз (в зависимости от количества семей в квартире) и т. п. В связи с этим глаголы, обозначающие такие конвенциональные знаки, являются нестрогими мультипликативами, ср. *Видит храм и крестится* (один раз, три или больше), *Встречая черную кошку, плевал через левое плечо* (один раз или три), *Проигравшего щелкают по лбу* (один раз или больше) и т. п. Необщепринятые условные знаки (ср. *три раза распахнуть окно*), по аналогии с конвенциональными знаками, тоже часто состоят из нескольких повторяющихся актов, благодаря чему глагол, обозначающий такой знак, сближается с нестрогими мультипликативами.

Но в контексте определенной кратности возможны не только многоактные или контекстно подобные им глаголы, ср.:

- (12) а. *Он два раза прочитал детям повесть с начала до конца.*

б. *Он два раза прочитывал детям повесть с начала до конца.*

Глаголы *прочитать* и *прочитывать* образуют видовую пару: при переводе повествования в план настоящего исторического примера (12а) форма *прочитал* «автоматически заменяется» на *прочитывает*, ср.:

- (12) в. *Он два раза прочитывает детям повесть с начала до конца, но они просят почитать им ее еще раз.*

Следовательно, лексическое значение глаголов СОВ *прочитать* и НЕСОВ *прочитывать* тождественно. Однако в (12а) речь идет, скорее всего, о двух ситуациях (событиях) ‘он прочитал детям повесть’, разделенных очень небольшой паузой, возможно следующих друг за другом практически подряд. Что касается (12б), то здесь те же ситуации могут

быть разделены гораздо бóльшим промежутком времени и разворачиваться на сколь угодно большом интервале — даже на протяжении детства адресатов чтения⁶.

Мы видим, что различие между (12а)–(12б) в целом, такое же, как между примерами в парах (8а)–(8б), (9а)–(9б), (10а)–(10б), ср. *Она три раза погладила льва — Она три раза гладила льва*. Напомним, что различие между примерами внутри пар (8а)–(8б), (9а)–(9б), (10а)–(10б) создается разной сферой действия обстоятельства определенной кратности: в случае глагола СОВ сферу его действия оставляют кванты многоактного процесса, а в случае глагола НЕСОВ эту сферу действия составляет сам этот процесс целиком, без деления на кванты. Но процесс *прочитывать* (как и *читать*) не является многоактным. За счет чего тогда возникает такое понимание примера (12а)?

Естественно считать, что указание на очень небольшой промежуток времени между повторами ситуации и, как следствие, указание на небольшой интервал, на котором имеют место эти повторы, создается глаголом СОВ. Действительно, такое же высказывание, но с глаголом НЕСОВ в том же контексте определенной кратности такого указания не содержит.

ЗАМЕЧАНИЕ. Заметим, что носители русского языка по-разному оценивают приемлемость примеров с глаголом типа *Прошлой зимой она три раза упала* (как высказывание вне контекста). Причина, видимо, в том, что промежутки между повторами (падениями), равно как и интервал, на котором происходили падения (зима), вне контекста могут оцениваться по-разному: и как относительно небольшие, и как достаточно большие. Этим данный пример отличается от следующих безусловно нормальных случаев, в которых интервал, на котором повторяется ситуация, невелик, и следовательно, невелики промежутки между повторами. Ср. *Два или три раза он поскользнулся, упал, и снова поднялся, стараясь не выпустить из рук винтовку* (В. Каверин); *Ваша дочь сегодня три раза упала и третий раз так неловко, что перепугала публику!*.. (Д. В. Григорович). Проведение опросов, их возможная интерпретация и статистическая обработка выходят далеко за рамки поставленной задачи. При анализе материала мы опираемся на собственную языковую интуицию, верифицируя ее с помощью доступных корпусов.

Итак, в примерах с глаголом СОВ в контексте определенной кратности выражено указание не только на то, что действие повторялось, но и на недлинные интервалы (или даже их отсутствие) между повторениями действия. Благодаря этому данные повторения выстраиваются в последовательность, в цепочку — точнее, так подает их говорящий. Глагол НЕСОВ в таком же контексте указывает лишь на то, что ситуация имела место определенное количество раз, не указывая ни на величину интервалов между повторами, ни на величину того интервала, на котором имели место эти повторы. При этом повторы ситуации не выстраиваются в цепочку, в последовательность, а подаются как совокупность повторений, не упорядоченных во времени.

Приведем еще некоторые примеры.

- (13) а. *Он несколько раз перечитал записку* [прочтя один раз, сразу же опять читал с начала; повторы имеют место на коротком интервале].
 б. *Он несколько раз перечитывал записку* [перерывы между повторами любые; повторы могут иметь место на любом интервале, в частности — на протяжении «всей жизни»].
- (14) а. *Мы три раза прослушали эту запись* [прослушивания имели место на ограниченном временном интервале и, возможно, шли без пауз].
 б. *Мы три раза прослушивали эту запись* [прослушивания могли иметь место на сколь угодно длинном временном интервале и могли разделяться сколь угодно длинными перерывами].

⁶ Противопоставление временных интервалов в таких контекстах отмечается в книге [Падучева 1996: 30].

В целом в примерах (а) речь идет о цепочке событий, а в примерах (б) указывается лишь на то, что ситуация имела место определенное количество раз, но эти повторы не выстраиваются в последовательность.

Итак, употребляя глагол СОВ в контексте определенной кратности, говорящий подает повторы действия как цепочку событий.

Но некоторые глаголы СОВ не сочетаются с контекстом определенной кратности, ср. (3а), (4а), (5а). Рассмотрим следующую пару примеров:

- (3) а. **В прошлом месяце он два раза лег в эту больницу* [нужно: *ложился в больницу*].
в. *На занятии физкультурой он два раза лег на пол и показал это упражнение.*

Попытаемся объяснить причину аномальности (3а) при нормальности (3в).

В (3в) речь идет о физическом действии (лечь на пол), которое повторяется, точнее дважды производится в течение ограниченного отрезка времени — на занятии. При этом из контекста ясно, чем мог быть заполнен перерыв между повторами — это стандартный ход занятия физкультурой. Что касается неудачного примера (3а), то событие ‘лечь в больницу’ тоже повторяется на ограниченном промежутке времени. Однако весь ход событий: лечь в больницу, выписаться из нее и опять туда попасть — не соответствует нашим общим ожиданиям, представлению о стандартном ходе вещей. Такая последовательность событий, если она обозначается последовательностью предложений, стандартно оформляется с помощью союза *но* (хотя может оформляться и союзом *и*), ср. *Он лег в больницу, выпился, но потом опять туда лег*. Союз *но*, как известно, указывает на нарушение ожидания⁷. Судя по данному примеру, для того чтобы повторы действия могли быть выстроены в цепочку (подаваться как последовательность), должно быть выполнено следующее условие: цепочка повторов в совокупности с событиями в перерывах должна соответствовать нашим общим ожиданиям о стандартном течении событий. (Для многоактных процессов этой проблемы нет, т. к. акты (кванты) такого процесса следуют друг за другом подряд, практически без пауз.)

Аномальный пример (4а) подтверждает наше предположение.

- (4) а. **Подростком <на прошлой неделе> он трижды убежал из дома.*

Здесь речь идет о последовательности событий: он убежал из дома, затем вернулся (или его вернули), причем данная последовательность событий повторялась три раза. Однако данный ход событий (убежал — вернулся) не соответствует ожиданиям: действительно, если бы мы обозначили его последовательностью предложений, то стандартно оформили бы связь между ними с помощью союза *но* (хотя здесь возможен и союз *и*), ср. *Он убежал из дома, но его вернули <потом вернулся>*. По этой причине пример (4а) неудачен — те же события нормально подаются в виде совокупности событий, не упорядоченных во времени, ср. (4б) *Подростком <на прошлой неделе> он трижды убежал из дома*. Аналогичным образом объясняется неудачность примера (5а) **Он два раза сломал левую руку*: непонятен ход событий между переломами.

В примерах (3)–(5) речь идет о нерядовых событиях, сильно меняющих жизнь субъекта, — обычно неясно, что имело место после такого события, поэтому они и не объединяются в цепочку, не подаются в виде последовательности. Если же событие в принципе не меняет жизни субъекта, то по умолчанию понимается, что в промежутках между ними жизнь идет как обычно, своим чередом, и такие события легко объединяются в цепочку последовательных событий; ср. (1)–(2), а также (12)–(14).

Для интерпретации контекстов с не-многоактным глаголом СОВ в контексте многократности потребовалось понятие цепочка (последовательность) событий. Оказалось, что оно,

⁷ Семантике союза *но* посвящена обширная литература; см. основные работы, выполненные в рамках подхода московской семантической школы, [Санников 1989; Урысон 2006; 2011].

в свою очередь, связано с понятием соответствия/несоответствия ожиданию. Заметим, что оба понятия характеризуют, скорее, содержание текста. Контекст определенной кратности действительно указывает не на одну, а на несколько ситуаций, разделенных во времени, благодаря чему все высказывание по смыслу в какой-то степени уподобляется изложению последовательных событий.

Теперь попытаемся уяснить, почему глагол СОВ несовместим с контекстом неопределенной кратности.

4. О семантике совершенного вида и о взаимодействии семантики видовой граммы с контекстом многократности

Общепринято, что прототипически глагол СОВ обозначает событие, а глагол НЕСОВ — процесс или состояние (в широком смысле). Естественно считать, что в случае непарного глагола указание на событие или, наоборот, на процесс (состояние) является компонентом лексического значения глагола (точнее — его данной леммы⁸).

Что касается видовой пары, то лексическое значение ее членов организовано достаточно сложно. Есть много аргументов в пользу того, что указание на событие — в том или ином виде — входит в лексическое значение как глагола СОВ, так и его коррелята НЕСОВ [Wierzbicka 1967; Падучева 1996; Татевосов 2015; Урысон 2019]. «Глагол НСВ отличается от своего парного глагола СВ модальной и темпоральной характеристикой этого события, а та, в свою очередь, определяется частным значением видовой граммы» [Урысон 2019: 63].

Естественно считать, что указание на событие, как и указание на процесс (состояние) — это часть не только лексического значения глагола, но и его видовой семантики, т. е. данное указание выражается в глаголе дважды: в его лексическом значении и в граммеме вида (иначе значение видовой граммы окажется практически пустым и с ним трудно будет работать).

Перейдем к интерпретации языковых фактов.

Хорошо известно, что глагол СОВ может указывать на единичное событие, при том что говорящий не упоминает никаких других событий (ситуаций), ср. *Как Анна? — Она вышла замуж*. Однако это же событие может быть подано как одно из «звеньев» в последовательности событий, ср. *Как Анна? — Она вышла замуж и уволилась с работы*. В этом отношении глагол СОВ отличается от глагола НЕСОВ: «[Е]сли в предложении употребляется несколько глаголов одного вида, то сочетанием глаголов СВ, как правило, обозначаются последовательные события (...), тогда как глаголы НСВ в аналогичных условиях обозначают одновременные им или друг другу процессы и состояния: *Он сел и закурил* (последовательность); *Он сидел и курил* (одновременность)» [Князев 2007: 71–72]. Это свойство глаголов СОВ хорошо известно: его называют секвентностью [Гуревич 1971] или сукцессивностью [Бондарко 1996: 168–177]; ср. также понятие «секвентная связь» в [Барентсен 1998].

Но если совершенный вид связан с обозначением последовательности ситуаций, а не совершенный вид — с обозначением их одновременности, то можно предположить, что указание на временную последовательность входит в семантику граммы СОВ, а указание на одновременность — в семантику граммы НЕСОВ.

Дело в том, что в окружающем нас мире события могут быть одновременными, а процессы — последовательными. Однако одновременность процессов естественно выражается цепочкой глаголов НЕСОВ как таковой, ср. *Он ходил по комнате и пел*, но для указания

⁸ В соответствии с терминологией московской семантической школы, мы называем леммой слово в его конкретном значении.

на их последовательность требуется использование специальных лексических средств, ср. *Он (сначала) ходил по комнате, потом пел*. Аналогичным образом цепочка глаголов СОВ в большинстве случаев указывает на последовательность событий, при том что одновременность событий, как правило, не выражается простым соположением глаголов СОВ. Ср. пример выше из книги Ю. П. Князева [2007], а также *Она пела песню <плакала> и вспоминала прошлое — Она спела песню <поплакала> и вспомнила прошлое*⁹.

Выше были рассмотрены такие высказывания с контекстом определенной кратности, в которых был нормален как глагол СОВ, так и глагол НЕСОВ. В этих «минимальных парах», как и в цепочке однородных сказуемых, благодаря глаголу СОВ выражено указание на последовательность (цепочку) событий, а благодаря глаголу НЕСОВ — на множество событий, не упорядоченных во времени. Этот факт является аргументом в пользу того, что указание на временную последовательность ситуаций является частью семантики граммы СОВ (точнее — основного значения этой граммы) и, возможно, указание на их одновременность — компонентом основного значения граммы НЕСОВ.

Рассмотрим теперь семантику указания на определенную или неопределенную кратность.

В реальности повторяющиеся ситуации следуют одна за другой (они не могут быть одновременными), т. е. представляют собой последовательность. Кажется правдоподобным следующее когнитивное допущение. В самом простом случае, когда речь идет об описании происходящего, контекст определенной кратности предполагает некоего наблюдателя (им может быть субъект речи), который считал повторы, а значит, пронумеровал их от начала до конца ('первый, второй, третий, ...' или 'раз, два, три, ...'), т. е. в каком-то смысле индивидуализировал каждый повтор, дал ему имя (номер). Естественно предположить, что в сознании наблюдателя на каком-то этапе эти повторы фиксируются в виде последовательности индивидуализированных (нумерованных) событий. Контекст определенной кратности, указывая на результат счета, как бы хранит представление и о самом счете последовательных ситуаций.

Что касается контекста неопределенной кратности, то он не предполагает, что наблюдатель сосчитал все повторы (возможно, он начал считать, но быстро сбился, либо вообще не считал и лишь уловил, что повторов больше, чем можно было ожидать). Тем самым, повторы остались неиндивидуализированными, а значит, неизвестно, какое событие следовало за каким. Такие повторы не зафиксированы в сознании реципиента в виде последовательности нумерованных событий — они представляются в виде множества неупорядоченных событий.

Если это рассуждение верно, то понятно, почему контекст неопределенной кратности не сочетается с глаголами СОВ (ср. **На экзамене она много раз ошиблась*): граммма СОВ указывает на цепочку последовательных событий, а данный контекст, напротив, — на совокупность событий, неупорядоченных относительно друг друга¹⁰.

Ясно также, почему глагол СОВ сочетается с контекстом определенной кратности (ср. *На экзамене она три раза ошиблась*): и этот контекст, и граммма СОВ указывают на цепочку событий, так что в этом случае имеет место обычное семантическое согласование [Апресян 1974]. Важно только, чтобы цепочка повторов (вкупе с событиями в перерывах) соответствовала нашим общим ожиданиям о стандартном течении событий.

Понятно и то, почему контекст неопределенной кратности вполне сочетается с глаголами НЕСОВ (ср. *На экзамене она много раз ошиблась*): контекст указывает на неупорядоченное множество событий, и граммма НЕСОВ не противоречит контексту, поскольку она не указывает на упорядоченное множество событий.

Но почему в контексте определенной кратности нормален глагол НЕСОВ? Ср. *На экзамене она три раза ошиблась <ошибалась>, Весной он семь раз перечитал <перечитывал>*

⁹ Одновременность событий можно выразить глаголами СОВ — однородными членами, если эти события происходят с пациенсом: *При падении он разбил голову и повредил ногу*.

¹⁰ Это объяснение хорошо соответствует описанию общих причин языковой аномалии [Апресян 1995].

ее записку, Он три раза ломал ногу. Мы объясняем это исходя из общих семантических закономерностей.

По нашему предположению выше, конструкция определенной кратности указывает на результат счета повторов, а кроме того в ее семантике сохраняется представление о самой операции счета. Но эта семантика может обедняться: данная конструкция может обозначать просто результат счета, и такое обедненное значение нормально сочетается с граммемой НЕСОВ, указывающей на неупорядоченную совокупность повторов. Подчеркнем, что обеднение, упрощение семантики той или иной единицы — явление, хорошо известное в лингвистике: в частности, оно лежит в основе процессов грамматикализации. Как показывает [АС], упрощению подвержены многие лексические единицы безотносительно к грамматикализации; в книге [Кустова 2004] продемонстрировано, что системное упрощение семантики охватывает классы лексических единиц (в цитированных работах это явление квалифицируется как расширение значения).

Итак, конструкция определенной кратности в принципе допускает и глагол СОВ, и глагол НЕСОВ (когда речь идет о повторе рядовой, ординарной ситуации). Существенно, что в случаях типа (12)–(14), рассмотренных выше, употребление глагола СОВ или НЕСОВ ощутимо меняет смысл высказывания: в высказывании с глаголом СОВ (ср. *Он три раза перечитал ее записку*) действия, скорее всего, следуют друг за другом подряд, без пауз, а в случае глагола НЕСОВ (ср. *Он три раза перечитывал ее записку*) те же действия могут быть разделены сколь угодно большими промежутками времени. Однако между подобными высказываниями может и не быть такого яркого смыслового различия, и тогда в контексте определенной кратности возникает т. н. конкуренция видов, ср.:

- (15) а. *На прошлой неделе он два раза прочитал детям повесть с начала до конца.*
 б. *На прошлой неделе он два раза прочитывал детям повесть с начала до конца.*
- (16) а. *Весной он несколько раз перечитал ее письмо¹¹.*
 б. *Весной он несколько раз перечитывал ее письмо.*
- (17) а. *В том семестре мы три раза прослушали эту запись.*
 б. *В том семестре мы три раза прослушивали эту запись.*

Данные примеры с СОВ не допускают понимания, что действия совершались подряд, практически без пауз — на таком длинном отрезке времени, как *прошлая неделя*, *весна* или *тот семестр*, это невозможно. Аналогичным образом не допускает такого понимания и высказывание типа:

- (18) а. *Перед тем как приняться за сценарий, он три раза перечитал «Войну и мир».*

Перечитывание «Войны и мира» обычно занимает много времени, и высказывание (18а) не указывает на отсутствие какой-либо паузы или перерыва перед очередным чтением романа. С этой точки зрения (18а) вряд ли отличается от следующего примера:

- (18) б. *Перед тем как приняться за сценарий, он три раза перечитывал «Войну и мир».*

Создается впечатление, что безразлично, какой вид употребить в примерах типа (15)–(18). Почему?

Указание на цепочку событий создается глаголом СОВ в контексте определенной кратности — оно выражено и в примерах (15а)–(18а). Однако представление о такой цепочке

¹¹ Слово *несколько*, хотя не обозначает определенное количество объектов, однако ведет себя как показатель определенной кратности. Причина, видимо, в том, что *несколько* обозначает количество неточное, но не неопределенное (от трех до восьми-девяти). Анализ слова *несколько* выходит за рамки данной статьи.

тем ярче, чем меньше перерывы между событиями: в идеале события в цепочке следуют друг за другом подряд. Но такое понимание создается за счет лексического значения глагола и общего контекста: сама по себе цепочка событий не предполагает, что события не отдалены друг от друга во времени. В случаях типа (15)–(18) речь идет как раз о ситуациях, достаточно сильно отдаленных друг от друга на временной оси, поэтому представление о цепочке событий в примерах (15а)–(18а) не так ярко, как в (12а)–(14а). Благодаря этому примеры внутри пар (15)–(18) противопоставлены слабее, чем в парах (12)–(14).

Есть еще одна причина семантического сближения примеров с СОВ и НЕСОВ в парах (15)–(18). Указание на цепочку событий, выражаемое граммемой СОВ, может поддерживаться представлением об операции счета последовательных ситуаций, как бы хранящимся в семантике конструкции определенной кратности. Однако по нашему описанию, это представление в семантике конструкции может сниматься. При этом из общего знания ясно, что повторы всегда последовательны, а не одновременны. Тем самым указание на цепочку повторов в примерах (а) внутри данных пар, как и отсутствие такого указания в (б), не меняет нашего представления об описываемой ситуации. С этой точки зрения глаголы СОВ и НЕСОВ в случаях типа (15)–(18) взаимозаменяемы.

Другое дело — оптимальное употребление предложения типа (а) или (б) в тексте, повествующем о «развитии событий» или, напротив, о некотором общем «положении дел». Можно предположить, что предложения типа (а) лучше соответствуют динамичному повествованию о ходе событий, поскольку граммема СОВ указывает именно на их цепочку. Предложения типа (б) скорее соответствуют описанию положения дел в некоторый момент.

Дискурсивные функции видов активно обсуждаются в лингвистике, см. обзор основных работ на эту тему в [Плунгян 2011]. Естественно ожидать, что эти функции видов обусловлены семантикой видовых граммем. Мы попытались предложить аргументы в пользу такой семантической интерпретации дискурсивного употребления глаголов СОВ и НЕСОВ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1974 — Апресян Ю. Д. *Лексическая семантика (синонимические средства языка)*. М.: Наука, 1974. [Apresjan Yu. D. *Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* [Lexical semantics (Synonymic means of language)]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Языковая аномалия и логическое противоречие. *Избранные труды*. Т. II: *Интегральное описание языка и системная лексикография*. Апресян Ю. Д. М.: Языки русской культуры, 1995, 598–621. [Apresjan Yu. D. Linguistic anomaly and logical contradiction. *Izbrannye trudy*. Vol. II: *Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya*. Apresjan Yu. D. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1995, 598–621.]
- АС — Апресян Ю. Д. (отв. ред.). *Активный словарь русского языка*. Т. 1–. М.: Языки славянской культуры, 2014–. [Apresjan Yu. D. (ed.). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [An active dictionary of Russian]. Vol. 1–. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014–.]
- Барентсен 1998 — Барентсен А. Признак «секвентная связь» и видовое противопоставление в русском языке. *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. Черткова М. Ю. (ред.). М.: Языки русской культуры, 1998, 43–58. [Barentsen A. The feature “sequential connectedness” and the aspectual opposition in Russian. *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya*. Chertkova M. Yu. (ed.). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1998, 43–58.]
- Бирюлин 2001 — Бирюлин Л. А. Мультипликативные vs. семельфактивные конструкции в русском языке. [Biryulin L. A. Multiplicative vs. semelfactive constructions in Russian.] *Functional grammar: Aspect and aspectuality, tense and temporality. Essays in honour of Alexander Bondarko*. Barentsen A. A., Poupynin You. A. (eds.). München: Lincom Europa, 2001, 23–42.
- Бирюлин 2024 — Бирюлин Л. А. *Толково-синтаксический словарь русских мультипликативов и семельфактивов*. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. [Biryulin L. A. *Tolkovo-sintaksicheskii slovar' russkikh mul'tiplikativov i semel'faktivov* [An explanatory syntactic dictionary of Russian multiplicative and semelfactives]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2024.]

- Бондарко 1971 — Бондарко А. В. *Вид и время русского глагола*. М.: Наука, 1971. [Bondarko A. V. *Vid i vremya russkogo glagola* [Tense and aspect of the Russian verb]. Moscow: Nauka, 1971.]
- Бондарко 1996 — Бондарко А. В. *Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии*. СПб.: Наука, 1996. [Bondarko A. V. *Problemy grammaticheskoi semantiki i russkoi aspektologii* [Issues in grammatical semantics and Russian aspectology]. St. Petersburg: Nauka, 1996.]
- Бондарко, Буланин 1967 — Бондарко А. В., Буланин Л. Л. *Русский глагол*. Л.: Просвещение, 1967. [Bondarko A. V., Bulanin L. L. *Russkii glagol* [Russian verb]. Leningrad: Prosveshchenie, 1967.]
- Гловинская 1982 — Гловинская М. Я. *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*. М.: Наука, 1982. [Glovinskaya M. Ya. *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola* [Semantic types of the aspectual oppositions of the Russian verb]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Гловинская 2001 — Гловинская М. Я. *Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола*. М.: Азбуковник; Русские словари, 2001. [Glovinskaya M. Ya. *Mnogoznachnost' i sinonimiya v vido-vremennoi sisteme russkogo glagola* [Polysemy and synonymy in the tense-aspect system of the Russian verb]. Moscow: Azbukovnik; Russkie slovari, 2001.]
- Горбова 2016 — Горбова Е. В. Русские семельфактивы и непрототипическая алломорфия. [Gorbova E. V. Russian semelfactives and non-prototypical allomorphy.] *Russian Linguistics*, 2016, 40(1): 1–22.
- Гуревич 1971 — Гуревич В. В. О значениях глагольного вида в русском языке. *Русский язык в школе*, 1971, 5: 73–79. [Gurevich V. V. On the values of the verbal aspect in Russian. *Russian Language at School*, 1971, 5: 73–79.]
- Зализняк Анна и др. 2015 — Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. *Русская аспектология: в защиту видовой пары*. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. L., Shmelev A. D. *Russkaya aspektologiya: v zashchitu vidovoi pary* [Russian aspectology: In defense of the aspectual pair]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015.]
- Князев 2007 — Князев Ю. П. *Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе*. М.: Языки славянской культуры, 2007. [Knyazev Yu. P. *Grammaticheskaya semantika: Russkii yazyk v tipologicheskoi perspektive* [Grammatical semantics: Russian in a typological perspective]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2007.]
- Кустова 2004 — Кустова Г. И. *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Kustova G. I. *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derivative meanings and mechanisms of linguistic expansion]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.]
- Мазон 1962 — Мазон А. Употребление видов русского глагола. *Вопросы глагольного вида*. Маслов Ю. С. (ред.). М.: Иностранная литература, 1962, 93–104. [Mazon A. The use of Russian verbal aspectual values. *Voprosy glagol'nogo vida*. Maslov Yu. S. (ed.). Moscow: Inostrannaya literatura, 1962, 93–104.]
- Маслов 1948/2004 — Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*. Маслов Ю. С. М.: Языки славянских культур, 2004, 71–90. [Maslov Yu. S. Aspect and the lexical meaning of the verb in Modern Standard Russian. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie*. Maslov Yu. S. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2004, 71–90.]
- Маслов 1978/2004 — Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*. Маслов Ю. С. М.: Языки славянских культур, 2004, 365–395. [Maslov Yu. S. The system of basic notions and terms in Slavic aspectology. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie*. Maslov Yu. S. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2004, 365–395.]
- Мельчук 1998 — Мельчук И. А. *Курс общей морфологии*. Т. II: *Морфологические значения*. Плуниг В. А. (пер.), Перцов В. А., Саввина Е. Н. (общ. ред.). М.: Языки русской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1998. [Mel'chuk I. A. *Kurs obshchei morfologii* [Course in general morphology]. Vol. 2: *Morfologicheskie znacheniya* [Morphological meaning]. Plungian V. A. (trans.), Percov V. A., Savvina E. N. (eds.). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; Vienna: Wiener Slawistischer Almanach, 1998.]
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. *Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. М.: Языки русской культуры, 1996. [Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic studies: Semantics of tense and aspect in Russian. Semantics of a narrative]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1996.]
- Падучева 2016 — Падучева Е. В. Основные понятия и положения аспектуальной концепции Ю. С. Маслова. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*, 2016,

- 9(18): 32–39. [Paducheva E. V. Basic notions and assumptions of Yu. S. Maslov's theory of aspect. *RSUH Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, 2016, 9(18): 32–39.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Рассудова 1968 — Рассудова О. П. *Употребление видов глагола в русском языке*. М.: Изд-во МГУ, 1968. [Rassudova O. P. *Upotreblenie vidov glagola v russkom yazyke* [The use of the aspectual values in Russian]. Moscow: Moscow Univ. Press, 1968.]
- Санников 1989 — Санников В. З. *Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис*. М.: Наука, 1989. [Sannikov V. Z. *Russkie sochinitel'nye konstruksii: Semantika. Pragmatika. Sintaksis* [Russian coordinate constructions: Semantics. Pragmatics. Syntax]. Moscow: Nauka, 1989.]
- Татевосов 2015 — Татевосов С. Г. *Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события*. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Tatevosov S. G. *Aksional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya* [Actionality in lexicon and grammar. The verb and event structure]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015.]
- Татевосов 2016 — Татевосов С. Г. *Глагольные классы и типология акциональности*. М.: Языки славянской культуры, 2016. [Tatevosov S. G. *Glagol'nye klassy i tipologiya aksional'nosti* [Verb classes and a typology of actionality]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2016.]
- Урысон 1998 — Урысон Е. В. «Несостоявшаяся полисемия» и некоторые ее типы. *Семiotика и информатика*, 1998, 36: 226–262. [Uryson E. V. “Unrealized polysemy” and some of its types. *Semiotika i informatika*, 1998, 36: 226–262.]
- Урысон 2006 — Урысон Е. В. Семантика союза *НО*: данные языка о деятельности сознания. *Вопросы языкознания*, 2006, 5: 22–42. [Uryson E. V. The semantics of the Russian conjunction *NO* ‘but’: Language data on the activity of consciousness. *Voprosy Jazykoznanija*, 2006, 5: 22–42.]
- Урысон 2011 — Урысон Е. В. *Опыт описания семантики союзов*. М.: Языки славянских культур, 2011. [Uryson E. V. *Opyt opisaniya semantiki soyuzov* [Toward a description of the semantics of conjunctions]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011.]
- Урысон 2019 — Урысон Е. В. Лексическое значение глагола в видовой паре: семантическая теория и критерий Маслова. *Вопросы языкознания*, 2019, 3: 45–70. [Uryson E. V. Russian aspectual pairs: Semantic theory and Maslov's Criterion. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 3: 45–70.]
- Храковский 1987 — Храковский В. С. Кратность. *Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. Бондарко А. В. (ред.). Л.: Наука, 1987, 124–152. [Xrakovskij V. S. Repetition. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis*. Bondarko A. V. (ed.). Leningrad: Nauka, 1987, 124–152.]
- Храковский 1989 — Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация. *Типология итеративных конструкций*. Храковский В. С. (ред.). Л.: Наука, 1989. [Xrakovskij V. S. Semantic types of situation multiplicity and their natural classification. *Tipologiya iterativnykh konstruksii*. Xrakovskij V. S. (ed.). Leningrad: Nauka, 1989.]
- Яковлев 1975 — Яковлев В. Н. Многоактность как способ глагольного действия. *Филологические науки*, 1975, 3: 97–105. [Yakovlev V. N. Multiplicativity as a type of Aktionsart. *Philological Sciences*, 1975, 3: 97–105.]
- Dickey, Janda 2009 — Dickey S., Janda L. *Хохотнул, схитрил*: The relationship between semelfactives formed with *-nu-* and *s-* in Russian. *Russian Linguistics*, 2009, 33: 229–248.
- Makarova, Janda 2009 — Makarova A., Janda L. Do it once: A case study of the Russian *-nu-* semelfactives. *Scando-Slavica*, 2009, 55: 78–99.
- Wierzbicka 1967 — Wierzbicka A. On the semantics of the verbal aspect in Polish. *To honor Roman Jakobson: Essays on the occasion of his 70. birthday, 11. October 1966*. The Hague: Mouton, 1967, 2231–2249.